

ISSN 1403-7068 (Print)
ISSN 2002-3847 (Online)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ

Журнал
социально-политических исследований

Издается с 1998 года

Том 20
Выпуск 3
2017

CA&CC Press®
ШВЕЦИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ И ИЗДАТЕЛИ

ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ И
КАВКАЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Номер регистрации: 620720-0459
Государственная администрация
патентов и регистрации
Швеции

ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАВКАЗА

Номер регистрации: М-770
Министерство юстиции
Азербайджанской
Республики

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

CA&CC Press®. ШВЕЦИЯ

Номер регистрации: 556699-5964

Номер регистрации журнала: 22 339
Государственная администрация патентов и регистрации Швеции

Редакционный совет

Эльдар ИСМАИЛОВ	Председатель редакционного совета Тел/факс: (994 - 12) 497 12 22; E-mail: elis@tdb.baku.az
Мурад ЭСЕНОВ	Главный редактор Тел/факс: (46) 70 232 16 55; E-mail: m.esenov@gmail.com
Владимир ПАПАВА	Заместитель главного редактора Тел.: (995 - 32) 24 35 55; E-mail: papavavladimer@yahoo.com
Джаннатхан ЭЙВАЗОВ	Заместитель главного редактора Тел/факс: (994 - 12) 596 11 73; E-mail: jeyvazov@gmail.com
Каламкас ЕСИМОВА	Представитель журнала в Казахстане (Астана) Тел/факс: (+7 701) 7408600; E-mail: kesimova@gmail.com
Айнура ЭЛЕБАЕВА	Представитель журнала в Кыргызстане (Бишкек) Тел.: (996 - 312) 61 30 36; E-mail: ainur_eb@mail.ru
Саодат ОЛИМОВА	Представитель журнала в Таджикистане (Душанбе) Тел.: (992 372) 21 89 95; E-mail: olimov@tajik.net
Фархад ТОЛИПОВ	Представитель журнала в Узбекистане (Ташкент) Тел.: (998 - 71) 225 43 22; E-mail: farkhad_tolipov@yahoo.com
Зия КЕНГЕРЛИ	Представитель журнала в Азербайджане (Баку) Тел.: (+994 - 50) 3006694; E-mail: ziken12@yahoo.co.uk
Давид ПЕТРОСЯН	Представитель журнала в Армении (Ереван) Тел.: (374 - 10) 56 88 10; E-mail: dave@arminco.com
Кахабер ЕРАДЗЕ	Представитель журнала в Грузии (Тбилиси) Тел.: (+995 - 95) 45 82 88; E-mail: kakha_ae@yahoo.com
Владимир МЕСАМЕД	Представитель журнала на Ближнем Востоке (Иерусалим) Тел.: (972) 2 5882332; E-mail: mssamed@olive.mscc.huji.ac.il
Конрад ШАФФЛЕР	Представитель журнала в Германии (Мюнхен) Тел.: (49 - 89) 3003132; E-mail: GA-infoservice@s.m.isar.de
Сунь ЧЖУАНЧЖИ	Представитель журнала в Китае (Пекин) Тел.: (86) 10-64039088; E-mail: sunzhzh@isc.cass.net.cn
Ирина ЕГОРОВА	Представитель журнала в Российской Федерации (Москва) Тел. (7 - 495) 3163146; E-mail: egorova@mosinfo.ru
Роберт ГУАН ТЯНЬ	Представитель журнала в США (Буффало, Нью-Йорк) Тел.: (716) 880-2104; E-mail: robert.g.tian@medaille.edu
Рустем ДЖАНГУЖИН	Представитель журнала в Украине (Киев) Тел.: (380 - 44) 524 79 13; E-mail: zhangozha@yahoo.co.uk

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акиф АБДУЛЛАЕВ	Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института стратегических исследований Кавказа (Азербайджан)
Мустафа АЙДЫН	Ректор университета им. Кадира Хаса (Турция)
Бюлент АРАЗ	Доктор, заведующий кафедрой международных отношений Университета Фатих (Турция)
Марьям АРУНОВА	Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (Россия)
Гарник АСАТРЯН	Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранских исследований Ереванского государственного университета (Армения)
Джеймс ВЕРЧ	Профессор Вашингтонского университета в Сент-Луисе, директор программы международных и региональных исследований (США)
Пол ГОБЛ	Главный консультант радиостанции «Голос Америки» (США)
Сергей ГРЕЦКИЙ	Доктор, заведующий кафедрой Центральной Азии Института заграничной службы Государственного департамента США (США)
Син ГУАНЧЭН	Доктор политических наук, профессор, заместитель директора Института по исследованию Восточной Европы, России и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (Китай)
Стефен ДЖОНС	Профессор, эксперт по исследованиям России и Евразии колледжа Монт Холуоки (США)
Станислав ЖУКОВ	Доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (Россия)
Александр ИГНАТЕНКО	Президент Института религии и политики, доктор философских наук, исламовед, главный эксперт НИИ социальных систем Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (Россия)
Ашурбой ИМОМОВ	Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Таджикского национального университета (Таджикистан)
Лена ЙОНСОН	Доктор, старший научный сотрудник Института международных отношений Швеции (Швеция)
Сванте КОРНЕЛ	Профессор, директор по исследованиям Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Зайнидин КУРМАНОВ	Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Кыргызско-Российского университета (Кыргызстан)
Яков М. ЛАНДАУ	Профессор политологии Еврейского университета (Израиль)
Роджер МАКДЕРМОТТ	Аффилированный ведущий аналитик Датского института международных исследований, Копенгаген (Дания)
Нейл МАКФАРЛЕН	Профессор, директор Центра международных исследований Оксфордского университета (Великобритания)
Алексей МАЛАШЕНКО	Доктор исторических наук, член научного совета и содиректор программы «Этничность и нацие-строительство» Московского центра Карнеги (Россия)
Аббас МАЛЕКИ	Доктор, генеральный директор Международного института по исследованию Каспийского региона (Иран)
Акира МАТСУНАГА	Доктор, эксперт по истории Центральной Азии и Кавказа, ведущий специалист Фонда мира «Сасакава» (Япония)
Роин МЕТРЕВЕЛИ	Доктор исторических наук, профессор, академик Национальной академии наук Грузии, президент Национального комитета грузинских историков (Грузия)
Назим МУЗАФФАРЛИ	Доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики Национальной академии наук Азербайджана (Азербайджан)
Виталий НАУМКИН	Доктор исторических наук, профессор, директор Центра стратегических и международных исследований РФ (Россия)
Еренгаип ОМАРОВ	Ректор университета Кайнар, президент Академии естественных наук Республики Казахстан (Казахстан)
Автандил СИЛАГАДЗЕ	Доктор экономических наук, профессор Тбилисского университета международных отношений, академик Национальной академии наук Грузии (Грузия)
Фредерик СТАРР	Профессор, директор Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Уильям ФИЕРМАН	Доктор политических наук, профессор Индианского университета (США)
Клара ХАФИЗОВА	Доктор исторических наук, директор Центра стратегических и международных исследований, профессор факультета международных отношений и внешней политики Университета «Кайнар» (Казахстан)
Алла ЯЗЬКОВА	Доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра «Средиземноморье-Черноморье» Института Европы Российской академии наук (Россия)

Материалы, публикуемые в журнале, не обязательно отражают точку зрения Редакции и Редколлегии

АДРЕС РЕДАКЦИИ: CA&CC Press AB, Hubertusstigen 9. 97455 Luleå, SWEDEN

ВЕБ АДРЕС: www.ca-c.org

© «Центральная Азия и Кавказ», 2017

© CA&CC Press[®], 2017

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ»

Журнал социально-политических исследований

Том 20
Выпуск 3
2017

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И МИГРАЦИЯ

- Р. Хунагов,
С. Ляушева,
А. Шадже,
З. Жаде.* СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ 7
- К. Аллахвердиев.* ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 15
- М. Кирчанов.* ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ И
ВООБРАЖЕНИЕ ЭТНИЧНОСТИ:
КАРТВЕЛИЗМ КАК ИЗОБРЕТЕННАЯ ТРАДИЦИЯ 28
- С. Рязанцев,
А. Тер-Акопов,
Е. Письменная,
А. Лукьянова.* ДИАСПОРЫ КАК НЕФОРМАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ
В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ 38
- С. Рязанцев,
А. Тер-Акопов,
Е. Письменная,
М. Храмова.* СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ
В ЕАЭС В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ 47

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ И РЕСУРСНАЯ ПОЛИТИКА

С. Жильцов, В. Штоль, В. Егоров.	ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПОТОКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	57
К. Ыдырыс, С. Ыдырыс, М. Мунасипова, Г. Темирбаева.	ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	67
Ф. Усмонов, Ф. Инагаки.	РОЛЬ ЯПОНИИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ ТАДЖИКИСТАНА: УЧАСТИЕ, СЛОЖИВШАЯСЯ СИТУАЦИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....	76

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

Г. Гаджимурадова, В. Доброхлеб, В. Безвербный, М. Храмова.	РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И НА КАВКАЗЕ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ.....	86
В. Акаев, Б. Нанаева.	РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОСРЕДСТВОМ МОБИЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РЕСУРСА.....	96
И. Карабулатова, С. Галиуллина, К. Котик.	ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК В УСЛОВИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ.....	103

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

В печатной и электронной версиях журнала «Центральная Азия и Кавказ», 2017 г., Том 20, Выпуск 1 по независящим от Редакции причинам неверно указаны авторы статьи «Результативность монетарной политики в странах Евразийского экономического союза» (с. 111—120). Авторами указанной статьи являются Голодова Жанна Гавриилловна, Федякина Лора Николаевна и Ранчинская Юлия Сергеевна.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

**Основными темами
трех ближайших номеров журнала будут:**

- **Современный политический процесс в странах Центральной Евразии**
- **Религия в общественно-политической жизни стран Центральной Евразии**
- **Интеграционные процессы в Центральной Евразии**

**При подготовке статей
авторам следует обратить внимание
на следующие пункты:**

- в начале статьи должна быть выделена короткая аннотация (300—500 слов) и ключевые слова статьи;
- объем статьи должен быть не менее 3 тыс. и не более 6 тыс. слов, включая сноски;
- сноски должны быть помещены внизу каждой страницы; если есть ссылки на интернет-ресурсы, то надо указать имя автора, название материала, веб адрес и когда был осуществлен доступ, например, доступна — 2007-04-19;
- цитаты, имена авторов и другие сведения из англоязычных источников должны быть дублированы в скобках на языке оригинала, то есть на английском;
- статья должна быть разделена на отдельные рубрики, включая Введение и Заключение;
- к статье надо приложить краткие сведения об авторе: ФИО, ученая степень, место работы, должность, город, страна.

**Все принятые статьи публикуются на русском и английском языках.
Статьи должны быть представлены в редакцию на русском и английском языках, или вопросы перевода статьи нужно обсудить с редакцией в индивидуальном порядке.**

З а к л ю ч е н и е

Рассматривая поставленную проблему, авторы исходили из необходимости научно осмыслить феномен радикального исламизма. Они не считают, что данный феномен связан со специфическими особенностями ислама: его хорошо известные фундаментальные положения не являются ни радикальными, ни экстремистскими. Ислам не является религией насилия и, тем более, идеологией терроризма. Он представляет собой мировидение и образ жизни, нацеленные на преодоление крайностей, достижение согласия между людьми, социальными группами, умеренности в жизни общества и религиозной общины.

Умеренность (*wasatyya* — араб.) — важнейшая характеристика ислама, это золотая середина, отрицающая насилие, захват заложников, угон самолетов, теракты и пр. Чего не скажешь об исламизме, являющемся политической крайностью, которой придерживаются отдельные личности, группы, прикрывающиеся исламскими лозунгами. Носителей этой идеологии и практики трудно считать настоящими мусульманами, исповедующими ислам как религию мира, созидания, умеренности.

В традиционных обществах на Северном Кавказе, где доминирует ислам, этнические культуры тесно взаимодействуют с его положениями и нормами. Они взаимно адаптированы, в силу чего приобрели свои региональные особенности, отличающие их от «новаций», приносимых исламистами. Потенциал этнического ресурса на Северном Кавказе значителен и его умелое и активное использование позволяет минимизировать проявления религиозно-политического экстремизма и радикализма.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК В УСЛОВИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Ирина КАРАБУЛТОВА

*доктор филологических наук,
академик РАН, профессор-исследователь
кафедры иностранных языков
Российского университета дружбы народов
(Москва, Российская Федерация)*

Работа выполнена по гранту РФФИ 17-04-00607 «Этнолингвокультурологический скрининг политтехнологий ИГИЛ в работе с протестным поведением российской молодежи». Работа выполнена также по гранту РФФИ 17-13-02010 «Ислам в Башкортостане: риски политизации».

Светлана ГАЛИУЛЛИНА

доктор исторических наук, доцент,
завкафедрой зарубежного регионоведения и истории
Уфимского государственного нефтяного технического университета
(Уфа, Российская Федерация)

Ксения КОТИК

магистрант кафедры зарубежного регионоведения и истории
Уфимского государственного нефтяного технического университета
(Уфа, Российская Федерация)

АННОТАЦИЯ

В условиях высокой динамичности современной политической жизни и стремительного развития информационно-коммуникативного пространства российского общества проблема изучения политических лингвотехнологий вошла в число приоритетных: названные технологии сегодня все активнее применяются в процессе управления коммуникативным пространством социума. Политические лингвотехнологии способны выстраивать, дисциплинировать, ориентировать политически значимую деятельность людей и влиять на их политические предпочтения и поэтому могут эффективно использоваться для решения политических задач. Быстро меняющиеся условия жизни современной России, экономические, политические и социальные трансформации предполагают изменения в массовом сознании и политическом поведении населения, отказ от старых и восприятие новых ценностей и поведенческих установок. Это необходимо для адаптации к новым реалиям жизни¹.

Религиозный фактор в совокупности с политическим процессом может стимулировать как устойчивость политического пространства, так и его дестабилизацию. Выявление механизмов и технологий политизации религии с целью выработки мер по обеспечению социальной и государственной безопасности также актуализирует тему исследования. Возникли новые источники угроз национальной безопасности, такие, как терроризм, распространение оружия массового поражения, межэтнические и межконфессиональные конфликты, разного рода болезни, международная преступность, наркобизнес и т.д., среди которых одно из ключевых мест занимают внутренние угрозы. Превратившись в сложную, многофакторную и открытую систему, национальная безопасность охватывает внутривосточную, геополитическую, экономическую, военную, этнонациональную, региональную, информационную и иные сферы. Рост новых религиозных движений, увеличение числа приверженцев традиционных вероисповеданий, а также новая проблема радикального ислама и религиозного терроризма требуют осмыслить быстрые и ненормативные трансформационные процессы религиозности. Террор приво-

¹ См.: Карабулатова И., Мкртумова И., Поливанова З., Ахметова Б., Галиуллина С., Лоскутова Е., Абылкасымов Е. Протестное поведение современной российской молодежи как этносоциальная девиация в ситуации этнополитической конфликтности // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 2. С. 109—118.

дит к трансформации правосознания, к аберрации в идейном и психологическом восприятии правовых ценностей, к формированию искаженного понимания законности и правопорядка.

Это способствует появлению новой субкультуры, базирующейся не на правовых регуляторах как основном фак-

торе защиты прав, свобод и обеспечения достойной жизни граждан, а на деструктивной стратегии разрушения и уничтожения основных человеческих ценностей, включающих форму правового мышления, правовую идеологию, сложившиеся правовые институты, экономический уклад и бизнес.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трансформация, межконфессиональный диалог, изменение идентичности, террористические угрозы.

Введение

Распространение экстремистских настроений напрямую связано с неблагоприятной социально-экономической ситуацией, неэффективностью легальных форм политической борьбы, отсутствием в обществе социальной мобильности и сильным имущественным расслоением.

Сегодняшние модернизационные преобразования в России происходят на фоне обостряющихся демографических проблем, интенсивного старения населения и сопровождаются углублением социальной дифференциации, трансформацией конфессиональных установок и кризисом идентичности у молодежи, что негативным образом сказывается на стабильности и безопасности общества. Можно с уверенностью констатировать обратную зависимость между масштабом распространения экстремистских идей и общей политической стабильностью государства².

Трансформация конфессиональных установок — это быстрый, сжатый во времени процесс религиозных изменений, влекущий существенные психологические изменения личности³ и в результате — изменение социально-политической ситуации в стране в целом⁴. Это обстоятельство придает особую актуальность исследованию данного феномена.

С учетом сложности формулирования универсального научного определения понятия «терроризм» в исследовании предлагается рабочее определение: терроризм — это насилие с целью внушения страха, используемое для утверждения определенных социальных и политических ценностей.

² См.: Мкртумова И., Карабулатова И., Зинченко А. Проблема молодежного политического экстремизма как этносоциальной девиации на постсоветском пространстве в современном электронно-информационном обществе // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 4. С. 87—96.

³ См.: Полетаев В. Опасные связи. Приговор Карауловой признан законным, 22 марта 2017 [<https://rg.ru/2017/03/22/verhovnyj-sud-ostavil-v-sile-prigovor-varvare-karaulovoj.html>], 3 июня 2017; Осипов Г.В., Карабулатова И.С., Карабулатова А.С. Матримониальные стратегии в политехнологиях ИГИЛ // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки, 2016, № 6. С. 69—79.

⁴ См.: Карабулатова И., Ахметова Б., Шагбанова Х., Лоскутова Е., Сайфулина Ф., Замалиева Л., Дюков И., Выхристок М. Особенности формирования позитивной идентичности в контексте этносоциокультурной информационной безопасности и борьбы с «Исламским государством» // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 1. С. 95—104.

Информационные взрывы после трагических событий, порождаемых межконфессиональной конфронтацией, воздействуют на все коммуникативное поле, на механизмы социальной динамики⁵. В связи с этим особую значимость приобретают исследовательские вопросы о дискурсах террористических действий, реконструкция социокультурного генезиса терроризма и его конкретных репрезентаций. Исследование терроризма в контексте его предпосылок и последствий позволяет всесторонне осмыслить перспективы изменений и наметить пути решения проблем. Противоречивая природа процесса глобализации диктует разнонаправленные тенденции интеграции и дифференциации, которые можно рассматривать как два противоположных вектора цивилизационных процессов: с одной стороны, — тенденция к унификации, с другой — стремление к сохранению культурной, в том числе и религиозной, самобытности.

Таким образом, актуальность данного исследования определяется тем, что оно направлено на решение важной научной проблемы — ненормативного изменения самосознания под влиянием трансформации профессиональных установок в контексте террористических угроз.

Материалы и методы

Трансформационные процессы в российском обществе формируют новую проблематику исследований. Ее язык описания, категориальный аппарат, исследовательские подходы и методы еще не установились. В качестве методологической основы исследования авторским коллективом приняты общенаучные методы, используемые в гуманитарных областях знания, — фактологический, системный, структурно-функциональный анализ, а также положения и выводы о структуре государственной политики и взаимосвязи ее компонентов, содержащиеся в научных трудах по современной политологии отечественных и зарубежных авторов.

Попытки дать единое определение терроризма осложняются тем, что государственные деятели, в отличие от политически нейтральных исследователей, проявляют при употреблении данного слова сильную политическую ангажированность, так что термин «терроризм» зачастую используется не столько для квалификации определенных действий, сколько для выражения соответствующей — негативной — оценки.

Зарубежные исследователи терроризма (П. Дженкинс, У. Лакер, М. Кроненветтер, Г. Мартин, Б. Хоффман) приводят такие определения, от которых им удобно отталкиваться в своих рассуждениях; определения в законодательствах разных стран, как правило, отличаются от них по ряду пунктов.

Наиболее серьезной и основательной попыткой дать определение терроризму можно считать работу голландских исследователей, А. Шмида и А. Ёнгмана, собравших 109 определений различных ученых, а также официальные определения, принятые на государственном уровне, и проанализировавших их, выделяя главные компоненты и характеристики этого понятия. Результаты приводятся в табл. 1.

Таким образом, можно констатировать, что неотъемлемыми элементами терроризма (по крайней мере, в его восприятии) являются «насилие, совершаемое в политических целях», а

⁵ См.: *Нанадение у Notre Dame de Paris квалифицировано как теракт*, 6 июня 2017 [<http://www.vesti.ru/doc.html?id=2896333>], 6 июня 2017.

также «насилие, совершаемое с целью внушить страх». Вместе с тем страх становится легко конвертируемой валютой при сделках за собственную безопасность. Наглядной иллюстрацией этого служит ситуация вокруг Катара⁶.

Анализ детерминированности проявлений терроризма на уровне индивидов заставляет нас обратиться к социально-психологическим концепциям, выводящим причины терроризма из природы поведения индивида и рассматривающих терроризм как результат индивидуальных реакций на маргинальное положение в социальной системе⁷. Постижением феномена агрессии мы обязаны трудам Л. Бутовской, Т. Гоббса, Г. Зиммеля, К. Лоренца, Д. Майерса, З. Фрейда, Э. Фромма.

Таблица 1

**Определение
основных компонентов содержания слова
«терроризм»**

Ключевое слово в определении терроризма	Доля определений терроризма с данным ключевым словом, %
«Насилие»	84
«Политические цели»	65
«Внушение страха»	51
«Произвольность жертв»	21
«Убийство мирных и нейтральных граждан»	18

Источники: Schmid A.P., Jongman A.J. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Databases, Theories and Literature. Amsterdam, 1988.

Структурно-функционалистская перспектива анализа терроризма предполагает особое внимание к постулатам функционализма (Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун), концепциям явных функций и дисфункций Р. Мертона, парадигме социальных фактов Э. Дюркгейма. Вместе с тем отмеченные подходы к исследованию проявлений терроризма хотя и необходимы для его анализа, однако самостоятельно не справляются с объяснениями этого сложного феномена и его последствий⁸.

Материалами для данной статьи послужили авторские разработки по анализу изменения поведения, данные опросов среди жителей Москвы и Уфы (300 человек), аналитические исследования отечественных и зарубежных коллег по политологии, психологии, культурологии, истории, экономике, политической психолингвистике, законодательные акты в сфере анти-террористической направленности, открытые публикации в СМИ, документальные видеоматериалы, содержащие интервью участников террористических групп и их жертв, сумевших избежать казни.

⁶ См.: Охота на миллиард, 6 июля 2017 [https://www.gazeta.ru/politics/2017/06/06_a_10709579.shtml#page2], 7 июля 2017.

⁷ См.: *Abrahms M. Deterring Terrorism: A New Strategy // Perspectives on Terrorism*, 2014, Vol. 8, No. 3 [<http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/344/html>], 6 July 2017.

⁸ *Почепцов Г.Г. Пропаганда и контрпропаганда. М.: Изд-во «Центр», 2004.*

Результаты

Идеология терроризма — искаженная форма отражения действительности. Она закрепляет извращенное понимание объективной ситуации. Именно идеология придает насильственным действиям легитимную основу во имя политических целей. Характерными чертами террора является управляемость хаоса, системность актов насилия⁹. Конечная цель террора — создание в обществе обстановки дестабилизации, подавленности и страха.

В апреле 2017 года секретарь Совбеза России Николай Патрушев заявил, что в Сирии и Ираке на стороне террористов воюют почти 2,7 тыс. жителей Северного Кавказа. По данным МИД, на июнь 2017 года к боевикам ИГИЛ примкнуло всего пять человек¹⁰.

Говоря о поведенческой составляющей, следует отметить, что исламистские и этнорегиональные террористические группы используют технологии жесткого кодирования личности. Основное различие между ними заключается в том, что после военного разгрома отрядов движения «Талибан» подавляющая часть исламистских группировок использует в борьбе только терроризм, в то время как группировки, ведущие этническую герилью, практикуют более широкий спектр методов политической борьбы¹¹.

Наш анализ базируется на результатах психометрической оценки, которые представляют собой количественные показатели степени изменения (от +3 до -3, где 0 — отсутствие изменений) состояния, характеризующего осмысленность жизни. Использовались самооценки психологического состояния опрашиваемых по степени соответствия/несоответствия этого состояния той или иной характеристике. Состояние описывалось различными прилагательными, характеризующими наполненность жизни смыслом. Результаты были подвергнуты статистической обработке и упорядочены в соответствии с уровнями религиозности опрашиваемых. По каждому прилагательному методики были определены средние значения изменений при низких, средних и высоких уровнях религиозности отдельно. Далее были определены средние значения изменений по всем прилагательным для верующих с низким уровнем религиозности, со средним уровнем религиозности и с высоким уровнем религиозности. Результаты описательной статистики по группам представлены в табл. 2.

Для определения уровня значимости различий средних значений изменений для выборок с низким, средним и высоким уровнем религиозности был использован метод парных сравнений *t*-Стьюдента. Результаты сравнения средних значений представлены в табл. 3.

Метод парных сравнений *t*-Стьюдента показал, что существуют значимые различия в средних значениях степени изменений осмысленности жизни для низкого, среднего и высокого уровня религиозности ($p = 0,000$).

При проведении опроса о готовности российских граждан защищать свою веру и этничность выяснилось, что подавляющее большинство опрошенных готовы взять в руки оружие для защиты своих этноконфессиональных детерминант. Эти данные коррелируют с данными, полученными ранее другими исследователями. Однако если в 2014 году прогнозировалось

⁹ См.: Ермакова Е., Джилкишева М., Файзуллина Г., Карабулатова И., Шагбанова Х. Постмодернистский дискурс современного терроризма в контексте риторики апокалипсиса массмедийной продукции и художественной литературы // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 2. С. 71—79.

¹⁰ См.: В Сирию с начала 2017 года уехали пять человек, 7 июня 2017 [<https://www.gazeta.ru/army/news/10145261.shtml>], 7 июня 2017.

¹¹ См.: Карабулатова И. Влияние исламского фактора на политические процессы в современном Таджикистане // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 132—139; Сейдина М., Карабулатова И., Полигара З., Зинченко А. Современный публицистический дискурс исламских организаций Центрального федерального округа России и проблемы толерантности // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 121—131.

Таблица 2

Средние значения изменений при низком, среднем и высоком уровне религиозности

	№	Минимум	Максимум	Среднее	Стандартное (допустимое) отклонение
Среднее значение изменений для высокого ОУР	50	1,56	2,76	2,0419	0,27630
Среднее значение изменений для среднего ОУР	52	1,33	2,28	1,7298	0,21787
Среднее значение изменений для низкого ОУР	50	1,29	2,21	1,5998	0,20602

Таблица 3

Результаты сравнения средних значений показателя изменений

		t (время для анализа)	Степень связи изменений показателя осмысленности жизни	Значимость (2-сторонняя)
Пара 1	Среднее для высокого ОУР — среднее для среднего ОУР	8,555	32	0,005
Пара 2	Среднее для высокого ОУР — среднее для низкого ОУР	15,632	32	0,000
Пара 3	Среднее для среднего ОУР — среднее для низкого ОУР	7,966	32	0,013

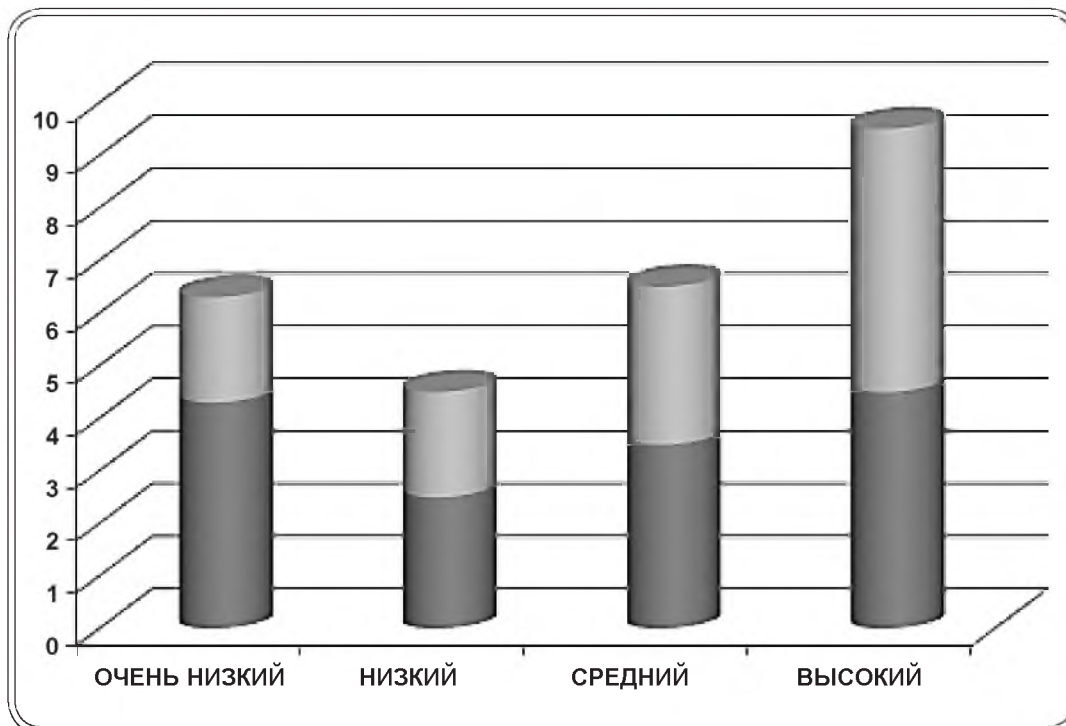
снижение этноконфессиональной напряженности¹², то сейчас мы обнаруживаем тенденцию к ее росту.

Исследовательские разработки по тематике этноконфессионального терроризма в отечественной науке достаточно разрознены, теоретико-методологические аспекты проблемы остаются неразработанными. При всей представленности разных аспектов проблематики данного феномена в отечественных и зарубежных работах междисциплинарного характера, религиозный терроризм и его последствия не концептуализированы с позиций интегральной социологической парадигмы через призму социально-политических изменений, глобальных рисков.

¹² См.: Маткаримова Г.В. Этноконфессиональная напряженность в столичном мегаполисе: состояние и динамика. М.: МГЛУ, 2015.

Рисунок 1

Результаты опросов

Выявленная зависимость уровня этноконфессиональной напряженности (выраженного в относительных единицах) от уровня религиозности отражена на рис. 1. Более темный цвет отражает соответствующие показатели у женщин, более светлый — у мужчин.

Очень низкий уровень напряженности обнаруживается в ответах 3,81% опрошенных, низкий уровень — в ответах 29,2% жителей Уфы и Москвы, средний уровень межконфессиональной напряженности отмечается у 42% жителей, высокий уровень межконфессиональной напряженности — у 26,1%. Это обусловлено, на наш взгляд, ситуацией вокруг войны на Донбассе, войны в Сирии, многочисленными террористическими актами исламистов в различных странах Европы и Азии.

Параллельно с ксенофобными настроениями растут и протестные настроения, которые сопровождаются сознательным переходом из одной конфессии в другую. Анализ интервью лиц, подвергшихся психологической обработке вербовщиков ИГИЛ, позволил нам выделить среди пострадавших от психологического насилия следующие типы личностных изменений.

1. Аскетический тип (29% верующих)

При аскетических изменениях смысловой сферы религиозное обращение сопровождается уменьшением смысловой наполненности всех остальных сфер жизни. Изменения в результате обретения веры носят отрицательный характер. Данный тип изменений самосознания встречается реже всего (29%).

Результатом религиозного обращения в данном случае является так называемое служение. Об этом говорят следующие утверждения верующих: «Мои отношения с

Богом — основа моей жизни и всего того, что я делаю. Я служу Господу»; «Я не просто знаю о существовании Бога, я стремлюсь к глубоким отношениям с Богом, подразумевающим постоянный, непосредственный контакт с Ним».

Для верующего свойственно смирение, а также сопровождающее его чувство вины. Отмечая отрицательные изменения в своей смысловой сфере, верующий тем не менее воспринимает их как благо. Такое кажущееся противоречие можно объяснить следующим образом. Любая религия, с одной стороны, возвышает свой идеал, подчеркивая пропасть между реальным человеком и идеалом. Именно этот аспект религии порождает смирение, чувство вины и самоуничижение. Верующий в результате религиозного обращения оценивает свою жизнь и себя в ней в контексте именно таких отношений с Богом, которые фактически для него становятся единственной реальностью.

2. Кризисный тип изменений (43% верующих)

Кризисный тип изменений характеризуется тем, что религиозное обращение сопровождается увеличением степени осмысленности жизни в одних сферах и уменьшением в других. Такой тип изменений встречается достаточно часто (43% верующих).

Данный тип изменений является самым сложным и неоднозначным. Верующие отмечают изменения в том, что касается сферы преодоления болезней. Преобладает чувство вины. На момент обращения смысловая сфера переживает разрушение и существенные трансформации, вызванные трудной жизненной ситуацией (ситуации, связанные с браком, любовью, здоровьем). Такое объяснение подтверждается также большим процентом верующих, переживающих трансформации данной категории под влиянием вербовщиков ИГИЛ.

3. Позитивный тип (14% верующих)

Позитивный тип изменений самосознания в процессе религиозного обращения характеризуется невысокими положительными изменениями по всем компонентам смысловой сферы. Такой тип изменений встречается в 14% случаев обращения в новую веру. По позитивному типу изменяются такие сферы осмысленной жизни, как сфера достижений (характеризуется эпитетами «успешный», «работоспособный», «продуктивный», «жертвенный»), сфера духовности («уникальный», «борющийся», «в поисках ответов на вечные вопросы»), сфера совладания с трудностями («гибкий», «неунывающий», «сильный»), сфера общественных отношений («честный», «альтруистичный», «справедливый»).

Таким образом, с точки зрения последствий обращения аскетический и позитивный типы представляют собой противоположные полюса. Аскетический тип характеризуется потерей социального мира, приобретением мира духовного и трансцендентного. В отличие от аскетического типа, позитивный тип обращения характеризуется приобретением новообразований в социальном мире, увеличением значимости и роли в социальном взаимодействии.

4. Катарсический тип (55% верующих)

Изменения самосознания катарсического типа ведут к тому, что человек после обретения веры ощущает максимальную наполненность смыслом во всех сферах своей жизни. Данный тип изменений наиболее распространен среди верующих (55%).

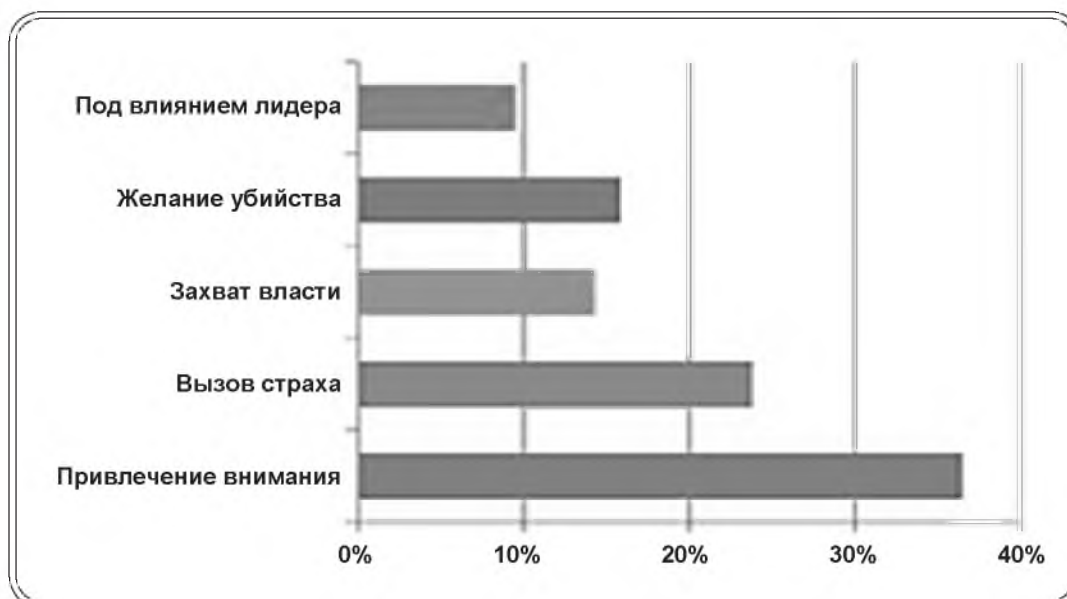
Высокая положительная оценка всей смысловой сферы характерна для процесса катарсиса. Катарсис (от греч. catharsis — очищение) — процесс острого или для-

щегося негативного переживания, в своей верхней точке превращающегося в переживание позитивное. Д.А. Леонтьев отмечает, что «катарсис — отражение процесса глубинной смысловой перестройки, диалектического разрешения на новом уровне внутреннего противоречия в смысловой сфере личности»¹³. Таким образом, специфика катарсического типа изменений заключается в резкой разрядке высокого эмоционального напряжения, что мы видим в проявлениях протестного поведения современной молодежи¹⁴.

Таким образом, религиозное обращение сопровождается качественными изменениями самосознания¹⁵, увеличением или уменьшением смысловой наполненности всех сфер жизни. Существуют четыре типа таких изменений: аскетический (с уменьшением смысловой наполненности во всех сферах жизни), кризисный (увеличение смысловой наполненности в одних сферах и уменьшение в других), позитивный (небольшие увеличения смысловой наполненности во всех смысловых сферах), катарсический (максимальное увеличение смысловой наполненности во всех сферах жизни). Наиболее часто встречаются изменения позитивного и катарсического типа (95%). Нарастание осмысленности жизни происходит в таких ее сферах, как социальная самореализация (сфера достижений), духовность, совладание с трудными жизненными ситуациями (жизнестойкость), личные и общественные отношения.

Рисунок 2

Распределение мнения респондентов по причинам совершения теракта

¹³ Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999, 487 с.

¹⁴ См.: Мкртумова И., Досанова А., Карабулатова И., Нифонтов В. Коммуникационные технологии противодействия политико-религиозному терроризму как этносоциальной девиации в современном информационно-электронном обществе // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 2. С. 63—71.

¹⁵ См.: Осипов Г.В., Карабулатова И.С., Карабулатова А.С. Указ. соч.

Катарсический и позитивный типы изменений отличаются друг от друга прежде всего характером изменения степени осмысленности жизни.

Для позитивного типа характерны более мягкие изменения смысловой сферы, для катарсического типа конверсии изменения смысловой сферы носят радикальный характер.

Типы изменения самосознания, связанные с увеличением уровня религиозности, детерминируют выраженность тех или иных компонентов религиозности. Катарсический тип изменения самосознания связан с аффективным компонентом религиозности. Религиозность такого верующего характеризуется преобладанием эмоциональной связи с трансцендентным миром, постоянным восприятием высших сил, прямым контактом со сверхъестественной реальностью. Аскетический тип изменения самосознания связан с иррациональным компонентом религиозности и может являться предпосылкой деструктивных форм религиозности.

Дискуссия

Современные исследователи определяют религиозность как сложное, многокомпонентное психологическое образование, характеризующееся как мера осуществления субъектом в окружающей действительности трансцендентных, теистических/религиозных интенций, направленных на осуществление связи субъекта с Теосом и выраженных в вере в сверхъестественное, а также в специфических нуминозных переживаниях, культовых действиях, поступках и поведении в целом¹⁶.

Среди жертв терроризма выделяются разные группы риска: пострадавшие от терактов (первичные, вторичные) и пострадавшие в ходе проведения контртеррористических операций. Поэтому актуален сравнительный анализ декларируемых форм и практик государственной политики в области социальной защиты, которые призваны снижать социальные риски для данных категорий граждан¹⁷. Так, Президент поддержал идею отменять решение о предоставлении российского гражданства тем, кто осужден за терроризм. Свое мнение он высказал на встрече со спикером Госдумы Вячеславом Володиным¹⁸.

Дискурсивный репертуар при трансформации межконфессиональных установок представляет террористов борцами за интересы народа, отчизны, а их силовые действия — национально-освободительной борьбой за великие цели изначального Света и Добра. Привлеченным антагонистом таких стратегий становится риторика, построенная на обвинениях, ксенофобии, инициировании ненависти к врагу, отождествляемому с государством, властью, со всем российским народом.

Большинству исследованных текстов присуща религиозная апологетика, просматривающаяся как в категоризациях самооправдательного характера, так и в воинственной риторике оскорблений российской стороны.

¹⁶ См.: *Смирнов Д.О.* Религиозная активность в структуре интегральной индивидуальности: дис. канд. психол. наук: 19.00.01. Пермь, 2001, 186 с.

¹⁷ См.: *Зеленков М.Ю.* Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). Воронеж: изд-во ВГУ, 2007, 244 с.

¹⁸ См.: Такие граждане нам не нужны: террористов могут лишать паспорта РФ, 6 июня 2017 [<http://www.vesti.ru/doc.html?id=2896357>], 6 июня 2017.

В ситуациях угрозы террористических акций преобразуются практики обеспечения безопасности людей на повседневном уровне¹⁹. М.Ш. Магомед-Эминов разрабатывает понятие «экстремальности», которое также может быть рассмотрено в качестве фактора изменения религиозного самосознания. Экстремальная ситуация, по М.Ш. Магомед-Эминову, представляет собой ситуацию неповседневного опыта существования человека в мире, то есть опыта, выходящего за пределы обычного повседневного существования²⁰.

С другой стороны, трудная жизненная ситуация определяется тем, что индивид сам понимает и интерпретирует события своей жизни в соответствии с собственными установками, взглядами, индивидуальными чертами, что используется при трансформации межконфессиональных установок²¹.

Э. Шейн делит процесс манипулирования на три этапа: «разморозка» (внушение того, что прошлая жизнь человека была ошибочной); изменение (приобретение уверенности за счет веры в лидера и взаимодействия с группой); «заморозка» (закрепление внушенных установок; при этом человек считает, что он пришел к этим выводам самостоятельно)²². На основании ряда свидетельств, полученных от новообращенных исламистов, можно констатировать, что подобный процесс, хотя и сформулированный по-другому, имеет место в террористических организациях типа «Исламского государства»²³.

Жертвой вербовщиков может стать кто угодно, о чем свидетельствуют печально известные примеры студентки Варвары Карауловой или актера Вадима Дорофеева. Но чаще всего своей целью манипуляторы выбирают не мужчин, а детей и одиноких женщин. Последние наиболее активны в социальных сетях, на форумах. Особенно высока вероятность стать жертвой вербовщика на сайтах, где общаются женщины, переживающие потерю близкого человека, развод или подвергшиеся изнасилованию²⁴.

Р.Дж. Лифтон выделяет несколько приемов, которые используются в тоталитарных обществах для влияния на психологию человека:

- 1) контроль над общением внутри группы и вне нее;
- 2) обновление языка (другие имена и слова для некоторых понятий);
- 3) необходимость очищения (в случае ИГИЛ — религиозного);
- 4) признания и откровения;
- 5) мистическое манипулирование (лидеры часто объявляют о своей связи с Богом);

¹⁹ См.: Чижин В.И. Духовная безопасность российского общества как фактор военной безопасности государства: автореф. дисс. д-ра. филос. наук. М., 2000. 36 с.

²⁰ См.: Магомед-Эминов М.Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности. М.: МГУ, 2009, 53 с.

²¹ См.: Chuev I.N., Panchenko T.M., Novikov V.S., Konnova O.A., Iraeva N.G., Karabulatova I.S. Innovation and Integrated Structures of the Innovations in Modern Russia // International Review of Management and Marketing, 2016, Vol. 6, No. 1S. P. 239—244.

²² См.: Schein E.H. Organizational Culture and Leadership, 2004 [http://www.untag-smd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_2/ORGANIZATIONAL%20CULTURE%20Organizational%20Culture%20and%20Leadership,%203rd%20Edition.pdf], 7 June 2017.

²³ См.: Кабиль А. Технология вербовки: Как ИГИЛ пополняет свои ряды, 11 октября 2014 [<http://islamreview.ru/v-mire/tehnologia-verbovki-kak-igil-popolnaet-svoi-rady/>], 7 июня 2017; Гришин А. Осторожно! ИГИЛ требуются спящие агенты, 31 октября 2016 [<https://www.pravda.ru/society/family/pbringing/31-10-2016/1317115-grishin-0/>], 7 июня 2017.

²⁴ См.: Как террористы из ИГИЛ вербуют женщин в Интернете [<https://lady.mail.ru/article/488295-kak-terroristy-iz-igil-verbujut-zhenshhin-v-internete/>], 7 июня 2017.

- 6) доминирование доктрины над человеком;
- 7) наличие священного знания;
- 8) избранность группы²⁵.

Теории Лифтона и Шейна позже подвергались критике, а исследования этих авторов обвиняли в ограниченности выборки²⁶. Не учитывая ряд факторов (предрасположенность индивида к внушению, добровольно принимаемые изменения), нельзя считать выводы о степени возможности манипулирования в полной мере достоверными. Переживание жизненных событий осуществляется через систему смыслов, на основе которых человек соотносит свои возможности и цели, распределяет события жизни по значимости на данный момент времени, что позволяет отнести работу с религиозным самосознанием личности к политехнологиям этноконфессионального терроризма.

Заключение

Смысл жизни представляет собой динамическую структуру. Ценностная смысловая сфера и смысл жизни как направленность жизни являются отражением социально-экономических, политических, идеологических изменений в обществе. Способы истолкования гендерных особенностей трансформации межконфессиональных установок в контексте террористической угрозы транслируются идеологией, выводами ученых, парадоксами общественного мнения, судебной практикой и массовой культурой. В печатном дискурсе о женском участии в этнорелигиозном терроризме отличительными характеристиками участниц теракта стали нерациональность, чрезмерная агрессивность, фанатичность и более высокая опасность, по сравнению с мужчинами²⁷. Согласно репрезентациям, новообращенные террористки демонстрировали собой гендерной, этнической идентичности и отклонялись от конфессиональных норм.

Можно отметить некоторую подвижность в структуре анализируемых дискурсов, фиксируемую появлением рационального объяснения происходящего в терминах войны с меньшей эмоциональностью и акцентирующего отношение привыкания к терактам «шахидок».

В заключение отметим, что для межконфессионального согласия необходимо, чтобы СМИ, формирующие информационное пространство российских регионов, объективно и правдиво освещали события, транслировали жизнестроительные представления о вере, чести, информировали о нормах и правилах, диалогичности общения, обитания в нашем поликонфессиональном мире. Формирование этноконфессионального согласия в правоохранительных органах, воинских коллективах, в регионах, в целом, зависит от объединения усилий политической власти, ответственности и адекватности СМИ при подаче информации, профессионализма журналистов, военных психологов, энергии общественных организаций, общин, согласованных действий правоохранительных органов и всех ведомств, занимающихся проблемами нормализации этноконфессиональных отношений, а также от заинтересованно-

²⁵ См.: Лифтон Р. Дж. Технология «промывки мозгов»: Психология тоталитаризма. СПб: Прайм-Еврознак, 2005 [<http://www.evolkov.net/cults/books/Lifton.R/Lifton.R.Thought.reform.psychol.totalism.content.html>], 7 июня 2017.

²⁶ См.: Richardson J.T. *Regulating Religion: Case Studies from Around the Globe*. New York: Kluwer, 2004.

²⁷ См.: Как террористы ИГИЛ вербуют женщин в Сети? // *Cosmopolitan*, 25 ноября 2015 [<https://www.cosmo.ru/lifestyle/society/kak-terroristy-igil-verbuyut-zhenshchin-v-seti/>], 7 июня 2017.

сти или хотя бы равнодушия всех граждан. Это позволит избежать новых экстремистских действий, предотвратить трансформацию неприязни к представителям исламской конфессии в ненависть, снизить уровень этнической интолерантности в армейском и гражданском социумах.
